



ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ



В. М. Кириллин

РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ В X–XVII в.¹

§ II. Культурно-исторические предпосылки появления в Московской Руси систематических школ в XVII в.

Первые побуждения к устранению дефицита образованных людей в русском обществе относятся только ко времени царствования Бориса Годунова (1598–1605 г.), который, будучи «сторонником культурных новшеств и заимствований с Запада»², всерьез думал о просвещении, по крайней мере, какой-то части русского общества как о государственной политике. Известно, что он попытался было учредить в Москве школы и чуть ли не университет с привлечением для преподавания в нем разных специалистов из западноевропейских государств и даже реально предпринял их поиски. Однако государевой воле, по мнению жившего тогда в России немца Конрада Буссова, твердо воспротивилась Церковь, опасавшаяся влияния иноверцев, вполне способного сбить наивные умы с пути истинного и вызвать общественные раздоры³. Правительство Годунова вело, кроме того, переговоры с Польшей относительно организации процесса взаимного обмена юношами ради «службы» и «науки». Планы царя были отчасти и практически реализованы. Так, согласно документам Посольского приказа, в 1602 г. четверо дворянских отпрысков отбыли в Англию «для науки латынскому и аглинскому и иных разных немецких государств языков и грамот»; с аналогичной целью и в 1603 г. несколько молодых людей были отправлены в Германию, Францию, Австрию. Успешному исходу этого дела, однако, помешали смерть Бориса Федоровича и все то, что в народе получило точное название Смуты. О посланцах России забыли. Спустя годы лишь одному из них — Игнатию Алексееву сыну Кучкину — удалось вернуться домой⁴. Правда, после воцарения Михаила Федоровича Романова были предприняты розыски зажившихся за границей «робят», но усилия заполучить их назад закончились безуспешно: одних не нашли, другие уже умерли, третьи воспротивились призыву отечества⁵. Так что инициатива Годунова обернулась полной неудачей.

¹ Начало статьи см.: № 2 (36). С. 22–33.

² Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1937. С. 35.

³ Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. С. 353–354.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 8: От начала царствования Бориса Годунова (1598) до избрания царя Михаила Федоровича (1613). М., 1960 (Глава первая); Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII в. М., 1988. С. 204–207.

⁵ Кузнецов Б. За наукой в чуждальные края: Первые русские студенты за границей // Родина. 2000. № 10. URL: <http://www.krotov.info/history/17/1603kuzn.html>.

Тем не менее предпринятая попытка точно отобразила действительную нужду русского общества в просвещении и столь же точно обозначила уже определившиеся тенденции дальнейшего общественного развития. В границах Московского царства жизнь заметно менялась: сказывались политические и деловые контакты с Европой, усиление государственной власти, территориальное расширение, организационные изменения в сфере производственной деятельности, возникновение новых фактов церковно-религиозного свойства. Все это предполагало наличие не только грамотных людей, но и образованных специалистов. Особенно упрямым аргументом в пользу просвещения стало книгопечатание. Оно со всей нелюбимой откровенностью обнаружило бездну разнообразия в бытии русских людей применительно к чрезвычайно важной для них области — богослужебному обиходу. Прежде на местах, в монастырях и в приходских храмах, была устойчивая преемственность, основанная на своей, узко локальной, но освященной временем рукописной и изустной традиции. Печатный станок открыл сразу многим людям (тираж книги с одной матрицы обычно до 1200 экземпляров, рукопись же всегда уникальна), что у них — в Смоленске, Курске, Твери, Владимире, Новгороде — все не так: достаточно было сравнить текст, например, своего исстари возглашаемого за богослужением Апостола с тем печатным, который был прислан из Москвы или куплен в Вильне, Киеве, Львове. Да и в самой Москве — на Неглинке или в Замоскворечье — обнаруживались отличия между рукописными книгами и теми, что были изданы московскими печатниками: другое ударение, другие слова, окончания, иная структура предложений, подчас иной набор и порядок отдельных частей последования. Все это требовало огромной работы по исправлению и унификации богослужебных текстов, соответственно, и по подготовке образованных кадров. Но именно здесь и скрывалась главная причина неизбежной общественной коллизии, в которой сложнейшим и драматичнейшим образом переплетались благие намерения, привычки, просвещенность, необразованность, степень понимания, сила неприятия, стремление сохранить, желание улучшить, идеализм, нетерпимость, амбиции, страсти. Иными словами, возникал острый конфликт между старым и новым, когда осознание необходимости перемен, отчетливо созрев, приводило к практическим действиям, но последние оказывались камнем преткновения — как, например, при исправлении богослужебных текстов преподобным Максимом Греком († 1556 г., память 21 января/3 февраля)⁶, или по случаю пересмотра «Потребника» 1602 г. преподобным Дионисием Радонежским со товарищи († 1633 г., память 12/25 мая)⁷, или в связи с книжно-обрядовой реформой патриарха Никона (умер 1681 г.)⁸. Соответственно, столь же трудно и трагично формировалась у нас и школа нового типа, ориентированная на систематическое изложение какой-то predetermined суммы знаний.

Первые успешные шаги в этом направлении, однако, были сделаны не в Московской Руси и не благодаря деятельной заботе церковной власти о просвещении народа. Своим рождением правильно организованные школы обязаны самостоятельной народной инициативе, братскому движению в Юго-Западной митрополии в условиях борьбы православного населения Речи Посполитой против культурно-религиозной экспансии со стороны католической и униатской Церквей. Так, здесь последовательно возникают школы: Острожская (до 1581 г.), Виленская (1584 г.), Львовская (1586 г.), Брестская (1591 г.), Киевская (1615 г.), Луцкая (1624 г.) и многие другие⁹. Все братские

⁶ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. четвертая, часть первая: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 98–107.

⁷ Там же. Кн. шестая: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). Отд. второй: Патриаршество Московское и вся Великия России и Западнорусская митрополия (1589–1654). М., 1996. С. 115–127.

⁸ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 106–518.

⁹ Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги. Казань, 1898; Медынский Е. Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII в. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954.

школы, в отличие от прежних частных, существовали на средства братств и, соответственно, выполняя широкую просветительную работу в духе православия, были общественными, т. е. бесплатными и всесловными. Поэтому обучение в них не ограничивалось только чтением, письмом, пением, счетом. Наряду с языками (церковнославянским, латинским, русским, польским, но особенно греческим) здесь основательно изучали правила Церкви, Пасхалию, Священное Писание и Предание, учение о добродетелях, о праздниках, догматику, но также и грамматику, арифметику, риторику, диалектику¹⁰. В 1632 г. по инициативе киево-печерского архимандрита Петра Могилы основанное им при Лавре «для преподавания свободных наук» училище было объединено с Киево-Богоявленской братской школой, и в результате образовалась знаменитая впоследствии Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. — Киево-Могилянская Академия, с 1819 г. — Киевская Духовная академия). Обучение здесь велось теперь на латинском языке и с опорой на схоластические методы, разработанные в католической Европе иезуитской школьной традицией. При этом практиковалась уже вполне сложившаяся система: учащиеся последовательно проходили через 8 классов, возвышаясь от уровня простой грамотности до уровня богословия и попутно осваивая весьма широкий круг светских и церковных дисциплин¹¹, в рамках так называемых семи свободных искусств, или наук, — грамматики, риторики, диалектики (*trivium* — с *лат.* трехпутие) и арифметики, геометрии, астрономии, музыки (*quadrivium* — с *лат.* четырехпутие).

В Московском же государстве в это время, если говорить о желающих стать грамотными, по-прежнему преимущественно сохранялся старинный обычай обучения в частном порядке и лишь начальным азам с возможностью последующего самообразования. И, разумеется, такое положение вещей к XVII в. стало уже весьма обременительным для общества, особенно для Церкви.

Во-первых, низкий уровень образованности был плодотворной почвой для распространения и среди мирян и среди духовенства всякого рода нездоровых или деструктивных по отношению к христианскому вероучению и образу жизни идей; такой же результат, кстати, нередко имел место и при начетничестве без правильного руководства, а также при увлечении инокультурной — в частности западноевропейской — системой ценностей. Характерным отражением того и другого, например, являются ереси «стригольников» (XIV–XV в.) и «жидовствующих» (XV–XVI в.)¹², прохлыстовское учение жжесаваофа Даниила Филиппова (XVII в.)¹³, укорененная в народе приверженность к тем или иным языческим поверьям и обычаям, вообще всяческий произвол религиозных представлений, с чем Русская Церковь так или иначе боролась и борется вплоть до сего дня. Но из чего бы ни исходила искаженность религиозного сознания в людях, она всегда сопряжена с деморализацией общества. На последнюю же указывают многие источники, освещающие жизнь Московского государства. Так, весьма красноречиво о плачевном нравственном состоянии какой-то части русского духовенства и народа (грубость отношений, корыстолюбие, распутство, пьянство, бесчинство, бесчестие) свидетельствуют некоторые проповеди и послания митрополита Даниила¹⁴ (умер в 1547 г.), определения «Стоглавого» собора¹⁵, «Поучение христолюбивым князем и судиям и всем православным христианом» патриарха Иосифа¹⁶ (умер в 1652 г.).

Во-вторых, вполне рельефно «школьная немощь» русских проявлялась при контактах с выходцами из Европы. Особенно широко масштабными подобными контактами стали в годы Смуты. Однако и в последующее время, несмотря на ограничительные меры правительства, возможностей

¹⁰ Кантерев П. Ф. История русской педагогики. С. 107–114.

¹¹ Там же. С. 114–115.

¹² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV–XV вв. М.; Л., 1955; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960; Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002.

¹³ Барбарин В. Ф., свящ. Хлыстовщина: Разбор 12-ти заповедей основателя хлыстовщины Даниила Филипповича. М., 1890.

¹⁴ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 493–644.

¹⁵ Стоглав. С. 295–298 (Гл. 32–34).

¹⁶ Сборник поучений патриарха Иосифа и пр. М., ок. 1642. Л. 16–40 об.

для общения москвитов с греками, малорусами, белорусами, поляками, немцами, шведами и др. было немало, а с середины XVII в. становилось все больше. И это общение — официальное и несанкционированное, по разным поводам и в разном объеме — не могло не оставлять следов. Так или иначе влияние европейской культуры касалось российской жизни, иной раз негативно сказываясь на характере и поведении отдельных — даже сравнительно высокообразованных — личностей, как в случае с царем-самозванцем Лжедмитрием I (июнь 1605 — май 1606 г.)¹⁷ или с князем, воеводой и писателем И. А. Хворостининым (умер в 1625 г.)¹⁸. Естественно, обычно москвиты, сталкиваясь с инокультурными явлениями, стремились дистанцироваться, отгородиться от них, держались за свое, исконное, святое. Но невооруженность правильным образованием, бывало, делала их наивными. Такова, например, история издания книги известного юго-западнорусского борца с Унией Лаврентия Зизания «Катехизис». Будучи переведена с литовского языка на русский и напечатана в Москве в январе 1627 г. по благословению патриарха Филарета, книга только после этого была подвергнута богословской экспертизе, благодаря чему выяснилось, что она содержит немало ошибочных суждений относительно привычного на Руси изложения православной веры; в результате почти весь ее тираж был уничтожен. Тем не менее «Катехизис» вместе с «прениями» о нем распространился в рукописном виде и впоследствии обрел популярность и авторитетность среди старообрядцев¹⁹. Данная история, думается, весьма наглядно демонстрирует малую готовность московских грамотников оперативно и, главное, единогласно решать важнейшие вопросы церковной жизни.

В-третьих, весьма низкому общему уровню просвещенности москвитов явно отвечал и уровень их умственной активности, заметно понизившийся сравнительно, например, с предшествовавшей Смутному времени эпохой. Безотносительно к известным положительным фактам духовного опыта (подвижничество в вере и благочестии²⁰, достижения художественной мысли²¹) речь идет именно о сфере рационального понимания и интерпретации конфессиональных ценностей. Особенно показательной в связи с этим является литературная деятельность, специально ориентированная на освоение христианского знания и решение разных вопросов богословия, каноники, аскетики, нравственности. Вопреки заметно усилившейся работе по переводу неизвестных прежде святоотеческих творений, а также современных антикатолических, антипротестантских и антиуниатских трактатов (достоянием русского читателя становятся теперь книги, изданные на греческом, латинском, литовском, немецком, украинском, белорусском языках)²², несмотря на то что в Церкви все же были образованнейшие люди — например, насельники Троице-Сергиева монастыря преподобный Дионисий Радонежский, Авраамий Палицын, Арсений Глухой, Симон Азарын, — собственное и самостоятельное русское богословское творчество в первой половине XVII в. почти угасает по сравнению с предшествующим столетием²³. Наиболее значимым из всех известных церковных писателей этого времени следует признать, пожалуй, лишь И. В. Шевелева-Наседку

¹⁷ Солодкин Я. Г. Григорий (в миру Юрий Отрепьев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 235–240.

¹⁸ Морозова Л. Е. Русский вольнодумец XVII в. Иван Хворостинин // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 145–150; Буланин Д. М., Семенова Е. П. Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Дополнения. СПб., 2004. С. 190–198.

¹⁹ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. II. С. 102–106; Романова А. А. Лаврентий Зизаний Тустановский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 467–470.

²⁰ Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. С. 422–424; Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Издат. отд. Моск. Патриархата, 1993. С. 192–199.

²¹ Демин А. С. Литература XVII века // История русской литературы XI–XX веков. Краткий очерк. М., 1983. С. 54–73; Черный В. Д. Искусство России на пороге Нового времени // Черный В. Д. Искусство средневековой Руси. М., 1997. С. 316–396.

²² Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. С. 378–379.

²³ Голубцов А. П. К характеристике состояния просвещения на Москве в первой половине XVII столетия: [Речь перед защитой магистерской диссертации: Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891] // Богословский вестник. 1892. Т. 1. № 1. С. 98–99, 104–105.

(1570 — ок. 1660 г.), написавшего несколько обширных трактатов специально богословского содержания и полемической направленности: «Изысканое от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня» (1619 г.), «Изложение на люторы» (1623 г.), «Свиток укоризнен Кирилу Транквиллиону погрешительным его словесем, блужения его ересем» (1627 г.) и др. Однако в своих трудах Наседка, демонстрируя отличное знакомство с Библией, святоотеческой и церковной литературой, выступает преимущественно как компилятор, плохо владеющий логикой и систематикой и способный критиковать неприемлемые для себя взгляды сугубо формально, без анализа и синтеза — только по одному их несоответствию авторитетным сведениям и суждениям. Тем не менее в глазах современников этот автор долго обладал славой ученого книжника, «много читавшего божественных книг и крепко выразумевшего их смысл»²⁴.

В-четвертых, книгопечатание, устанавливая относительное единство богослужебных текстов, вместе с тем, как уже говорилось, распространяло многие имеющиеся в них различия²⁵, а таковые порой совсем не согласовывались с сутью православной доктрины (например, добавление слов «и огнем» к освятительной формуле из чина водоосвящения «Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым»)²⁶. Соответственно, все острее осознавалась необходимость исправлений ради достижения единообразия. Тексты, разумеется, правила. При святейшем патриархе Гермогене в московской типографии для этой цели учреждена была даже специальная должность. Но правила обычно по случайно отобраным старым рукописным книгам («хартейным», т. е. пергаменным), которые признавались авторитетными как эталонные образцы («добрые переводы») только в силу одной их древности и сообразно личному пониманию справщика. Иначе говоря, вся традиция воспроизведения и функционирования того или иного чинопоследования в ходе редакторской работы должным образом не учитывалась, даже в тех случаях, когда все же обращались для сравнения к нескольким источникам — древнерусским, юго-западнорусским, греческим манускриптам и печатным изданиям (литовского или итальянского пошиба)²⁷. Московское книгопечатание, конечно же, развивалось, вместе с тем развивался и цех справщиков, как-то совершенствовалась редакторская работа²⁸, но в целом на протяжении всего XVII в. результаты правки были мало удовлетворительными и по-прежнему порождали лишь смущение умов и подозрения относительно испорченности книг. Ведь успех «справы» напрямую зависел от наличия определенных историко-археологических знаний, технической, критико-методологической вооруженности²⁹ и, конечно, совершенно не мог быть обеспечен просто уровнем начетничества, не говоря уж о начальной грамотности.

Наконец, волею Божией, в обозреваемый период (начиная еще с конца XIV в. и особенно после учреждения в 1589 г. патриаршества) Московское государство занимало исключительное положение в христианском мире. Православные народы на Ближнем Востоке и на Балканах вследствие арабских и затем турецких завоеваний давно уже утратили свою независимость и в состоянии угнетенности

²⁴ Шилов А. Наседка Иван Васильевич // Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 11: Наакс — Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 105–110.

²⁵ О том, как и почему в литургических текстах появлялись различия еще в пору их рукописного бытования, см.: Дмитриевский А. А. Кто виноват? К вопросу о причинах разнообразия богослужебных чинов и последований в наших старинных церковно-богослужебных книгах // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1885. № 49. С. 409–422; № 50. С. 441–450.

²⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. С. 90.

²⁷ Там же. С. 87, 101. Мансветов И. [Д.] Как у нас правилась Типик и Минеи: Очерк по истории книжной справы в XVII столетии. М., 1884; Смолитч И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев / Приложение в «Истории Русской Церкви». М., 1997. С. 237–240.

²⁸ Мансветов И. [Д.] Как у нас правилась церковные книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883; Накорякова К. М. Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX в. Опыт и проблемы. М., 2004.

²⁹ Например, на Западе (правда, относительно только латинской агнографии) научная методология издания текстов разработана была уже к 1603 г. ученым монахом-иезуитом Герибертом Россвейде и затем реализована в многочисленных изданиях института Болландистов (The Bollandists // Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02630a.htm>).

испытывали культурный кризис, в частности упадок церковной образованности³⁰. Это и побуждало иных представителей восточных Церквей, обращавшихся за помощью к России, заодно заводить речи об организации здесь школ, в которых вместе с русскими могли бы получать знания и их чада, дабы избавиться от унижительной неизбежности обучения в университетах католического Запада (в частности, в римском иезуитском Коллегиуме святителя Афанасия Великого³¹). Во всяком случае, известно, что с идеями относительно заведения подобных школ в Московском государстве выступали Александрийский патриарх Сильвестр (1585 г.), Константинопольский патриарх Иеремия II (1590 г.), Александрийский патриарх Мелетий Пигас (1593 г.), Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис (1633 г.), Палеопатрасский митрополит Феофан (1645 г.), Газский митрополит Паисий Лигарид и патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский (1666–1667 г.)³². Питали надежды открыть в России школы также католики (нунций папы Григория XIII Антонио Поссевино, побывавший в Москве в 1582 г.³³) и протестанты (немец-лютеранин Матвей Шаум, воевавший против России на стороне шведов в начале 10-х годов XVII в.³⁴).

Итак, для русского общества после преодоления Смутного времени создание правильной, систематической школы являлось уже безотлагательной жизненной необходимостью, четко обозначенной множеством мотивов и импульсов. Неудачный опыт Бориса Годунова с обучением русской молодежи за границей, к счастью, не похоронил саму идею образования. По-видимому, он обернулся осознанным пониманием, что успешно реализовать ее можно только собственными силами, хотя и прибегая к помощи со стороны. В таком направлении и развивается далее вся история формирования русской школьной образованности.

Несомненно, этому процессу весьма способствуют изменения, происшедшие в работе Московского Печатного двора по качественному (из ремесленной в мануфактурную) и количественному (число изданий) показателям как раз в 30–40-е годы XVII в. — при патриархах Филарете, Иоасафе, Иосифе³⁵.

Нельзя оставить без внимания также заметное возрастание общественного интереса к предметам филологического свойства и, соответственно, обновление состава русской книжности. И в этом отношении нужно подчеркнуть совершенно особенное значение Троице-Сергиева монастыря. Еще в предшествующем столетии здесь последовательно работали над созданием специальной справочной и учебной книги, в современной научной традиции получившей название «Азбуковника». В течение второй половины XVI в. насельники обители — Нил Курлятев, некто Ермолай и др. — составили, как минимум, два варианта³⁶ этого своеобразного лексико-грамматического и литературно-исторического тезауруса, толкующего различные, связанные с областью христианских понятий и реальных термины и имена, главным образом, греческого происхождения (свыше 5000 изъяснительных статей, расположенных по алфавиту). И любопытно, что при создании «Азбуковника» второго типа был использован словарь Лаврентия Зизания, напечатанный в Вильне в 1596 г.³⁷

³⁰ *Экономцев И. Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов // *Богословские труды. Юбилейный сборник: Московская Духовная Академия. 300 лет (1685–1985)*. М., 1986. С. 54–55.

³¹ Там же. С. 45.

³² *Сменцовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 4–14; *Экономцев И. Н.* Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 55.

³³ *Цветаев Д. В.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 291; *Поссевино А.* Московия. Книга I. О делах московских, относящихся к религии // *Исторические сочинения о России XVI в.* М., 1983. С. 37–39.

³⁴ *История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием и о взятии шведами Великого Новгорода.* Соч. Матвея Шаума. 1614 г. М., 1847. С. 26.

³⁵ *Баренбаум И. Е.* История книги. Учебник. 2-е изд., перераб. М., 1984 (Электронное издание: <http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook032/01/index.html?part-005.htm#i222>); *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Книга шестая. С. 296, 321–323, 338–344.

³⁶ *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII в.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 121–124.

³⁷ [*Лаврентий Зизаний.*] Лексис, сиречь речения, вкратце собранны. И из словенского языка на простый русский диалект истолкованы. Вильна, 1596.

Сохранявшийся на протяжении всего XVII в. интерес русских переписчиков, переводчиков и издателей к «Азбуковникам», к какой бы редакции таковые ни относились³⁸, очевидно, сопряжен был с интересом к новому — аналитическому с элементами энциклопедичности — методу обучения грамоте, выгодно отличающемуся от старорусской формы обучения посредством многократного повторения и зубрежки, а также с идеей равноценности церковнославянского языка как языка священного по сравнению с греческим и латинским языками. Кроме того, связь популярных среди грамотников Московского государства «Азбуковников» с юго-западнорусской филологической наукой отражает весьма плодотворные, хотя и довольно трудно складывавшиеся, контакты московитов с православной культурой территории соседнего государства Речи Посполитой. Например, и знаменитая первая московская печатная азбука, изданная в 1634 г. В. Ф. Бурцовым-Протопоповым³⁹, создана была, как полагают, не без влияния со стороны львовского издания «Букваря», предпринятого еще в 1574 г. Иваном Федоровым⁴⁰. Но действительно значимым индексом внимания великорусского общества к достижениям юго-западнорусской филологической науки следует считать предпринятое в Москве в 1648 г., при патриархе Иосифе, переиздание «Грамматики» европейски образованного ученого Мелетия Смотрицкого, напечатанной в Литве 30 годами ранее⁴¹. Любопытно, что это подлинно научное, систематизированное изложение норм орфографии, морфологии, синтаксиса церковнославянского языка в московском воспроизведении не содержало указания на автора⁴² (несомненно, в силу его отпадения от Православия) и было откорректировано справщиками Михаилом Роговым и Иваном Наседкой с ориентацией на текст более раннего и менее сложного учебного руководства по церковнославянскому языку, составленного Лаврентием Зизанием и также изданного в Литве⁴³; кроме того, в московском издании имелись — в виде дополнений — лингвистические статьи преподобного Максима Грека⁴⁴, что символически как бы подчеркивало родство и преемственность православных культур Востока, Юго-Запада и Севера.

Повышенный интерес русских книжников к филологии отражает также неизвестная прежде на Руси книга — «Риторика»⁴⁵. Как теперь доказано, таковая появилась во второй половине 10-х годов XVII в. (ее самый ранний из известных списков создан был в 1620 г.). Церковнославянский текст книги возник как результат перевода латинского учебника Филиппа Меланхтона о красноречии (Франкфурт, 1577 г.), дополненного заимствованиями из также переведенного с латинского оригинала «Сказания о семи свободных мудростех» и, кроме того, собственными рассуждениями переводчика. Имя последнего осталось неизвестным, но есть основания полагать, что работал он либо где-то в Москве или Новгороде, либо в Троице-Сергиевом или Соловецком монастырях. Во всяком случае, плод его трудов был более распространен именно в северных регионах Московского государства. И весьма любопытно, что текст означенной «Риторике» нередко оказывается переписанным вместе с текстами рассмотренного выше «Азбуковника», а также «Диалектики» преподобного Иоанна Дамаскина⁴⁶ — главного источника знания на Руси по философии⁴⁷ (возможно, представленного именно его новым переводом на церковнославянский, который был осуществлен в конце XVI в.

³⁸ Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862. С. 31–79.

³⁹ [Бурцов В. Ф.] Букварь (Азбука). М., 1634 (три издания); М., 1637.

⁴⁰ Сазонова Л. И., Гусева А. А. Бурцов Василий Федоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 150.

⁴¹ Грамматики славенкия правильное Синтагма. Евье: типография братства Св. Духа, 1619 // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000. С. 128–470.

⁴² [Мелетий Смотрицкий.] Грамматика. М., 1648.

⁴³ [Лаврентий Зизаний.] Грамматика словенска свершеннаго искусства осмии частей слова и иных нуждных. Вильна, 1596.

⁴⁴ Кузьмина Е. А., Ремнева М. Л. Предисловие // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. С. 17; Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века. М., 2005. С. 187–192.

⁴⁵ Риторика 1620 г. // Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М., 1999. С. 15–94.

⁴⁶ Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. М., 1999. С. 207–353.

⁴⁷ Гаврюшин Н. К. Диалектика на Руси (XI–XVII в.) // Памятники науки и техники. 1987–1988. М., 1989. С. 202–236.

в Литве при участии князя Андрея Курбского⁴⁸). Таким образом, нередко взору читателя со страниц одной книги открывался весьма широкий спектр светской гуманитарной информации.

Отмеченная тяга русских умов, в частности, к филологии сопряжена была, между прочим, с удивительным всплеском интереса к поэзии⁴⁹. Не говоря здесь о народной устно-поэтической традиции, об издавна бытовавшем говорном, скоморошьем стихе, должно отметить, что в русскую книжность элементы стиховой культуры — рифмованные двустишия, или «двострочное согласие», а затем и силлабика — начинают проникать во втором-третьем десятилетиях XVII в. как рефлекс украинско-белорусско-польского влияния. И очень быстро эта новая область художественного творчества становится популярной прежде всего в городской среде. Появляются и свои поэты: князь И. А. Хворостинин, князь С. И. Шаховской. Однако уже в 30–40-е годы тон в поэзии начинают задавать люди незнатного происхождения, представители так называемой приказной школы, т. е. чиновники — дьяки и подьячие — разных приказов: Посольского (Михаил Злобин, Алексей Романчуков), Патриаршего дворцового (Петр Самсонов), к ним примыкают сотрудники Московского Печатного двора (священники Иван Наседка и Стефан Горчак, инок Савватий). В целом их стихотворство отличается серьезным — по-православному «душеполезным» — содержанием и в этом смысле консервативно, но в его недрах зреет и новое, а именно интерес к темам «острого разума», «остроумия», творческой свободы и самостоятельности поэта⁵⁰, предполагающим необходимую интеллектуальную подготовку и владение техникой версификационного мастерства.

Итак, к середине XVII столетия русское общество, столь долго вынашивавшее идею правильного образования, было наконец в лучшей своей части вполне готово разрешиться от бремени. Оставалась лишь малость — начать потуги. Ярким симптомом этого предродового состояния является мысль Иоанна Милютина, священника Христорождественской церкви в Сергиевом Посаде (умер в середине XVII в.), которую он четко сформулировал в Послесловии к своему уникальному историко-филологическому труду — *Минеям-Четьим*: «Подобает убо всякому человеку, егоже не весть, о том вопрошати, а еже что весть, тем не искушати и учити беззавистно и не хранити, но проповедати истинно. Книжная бо премудрость подобна солнечной светлости. Но солнечную светлость мрачный облак закрывает, а книжные премудрости ни вся тварь скрыти может. Писано бо есть: “Не уведяша, ниже разумеша, во тьме ходят!” Того ради учися! Учение свет, а неучение тьма!»⁵¹.

§ III. Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в.

К периоду обновления русской книжности относятся и первые конкретные попытки создания школы. Причем в отличие от Юго-Западной Руси в Московии инициаторскую роль в таком деле играли именно Церковь и Государство, хотя имели место и частные побуждения. Об этом свидетельствуют различные — деловые и литературные — источники: записи в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа, челобитные, статейные списки, послания, царские указы и грамоты, фрагменты полемических и ораторских сочинений.

Так, в 1632 г., по просьбе святейшего Филарета Никитича, в Москве остался архимандрит Иосиф, протосинкелл Александрийского патриарха, дабы переводить греческие сочинения против «латинския ереси» и «учити... малых ребят греческаго языка и грамоте». К сожалению, ввиду скорой смерти того и другого возникшая было греческая школа не достигла успеха. В 1640 г. царь Михаил Федорович получил предложение от митрополита Киевского Петра Могилы относительно

⁴⁸ *Беляева Н. П.* Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // *Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д. С. Лихачев.* Л., 1984. С. 125–129.

⁴⁹ *Голубцов А. П.* К характеристике состояния просвещения на Москве в первой половине XVII столетия. С. 103–104.

⁵⁰ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 34–102, 242–269.

⁵¹ *Поньрко Н. В.* Иоанн Иванов Милютин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 68–69.

открытия в Москве монастыря, в котором киевские ученые монахи могли бы учить «грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину». Но, видимо, известная склонность Киево-Могилянской коллегии к традициям западноевропейской схоластики помешала делу. Весной 1646 г., по согласованию с Михаилом, в Москву прислан был от Феофана Палеопатрасского архимандрит Великой Константинопольской церкви Венедикт — заниматься специально учительством и книжной справой. Правда, самовосхваление, попрошайничество и лживость последнего не пробудили к нему симпатий со стороны нового государя Алексея Михайловича и московских грамотников, и Венедикта через некоторое время отправили восвояси. Около 1649 г., сообразно желанию святейшего Иосифа, в Греции нашли «одного из самых значительных греческих богословов XVII века»⁵² Мелетия Сирига. Однако вместо него в Москву как сопровождающий Иерусалимского патриарха Паисия приехал питомец Римского и Падуанского университетов иеромонах Арсений Грек⁵³, оставленный затем здесь ради «риторического учения». Сохранились грамоты Алексея Михайловича 1649 г. к Черниговскому епископу Зосиме и Киевскому митрополиту Сильвестру Коссову, в которых царь хлопотал о присылке в Россию ученых монахов, знатоков греческого языка и латыни. И действительно, после этого в Москву прибыли желаемые лица: Арсений Сатановский⁵⁴, Елифанний Славинецкий⁵⁵, затем Дамаскин Птицкий⁵⁶. Впрочем, их заняли прежде всего переводческой и редакторской работой, необходимой для издания славянской Библии и богослужебных книг. К 1653 г. относится опять-таки не нашедшая у русского правительства отклика попытка митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия остаться в Москве в качестве учителя⁵⁷.

Все эти факты, по крайней мере, подтверждают благие намерения светской и духовной властей относительно создания в России настоящей школы, довольно долго, очевидно, сдерживаемые лишь страхом перед новизной. Тем не менее вопреки распространенной среди москвитов боязни повредиться в вере под влиянием ученых выходцев из стран, христианство которых, как полагали, утратило первоизданную чистоту, решение школьного вопроса к середине XVII в. переходит в стадию практической реализации. Последнее, несомненно, произошло благодаря новым культурным веяниям, исходящим из окружения восшедшего в 1645 г. на царский престол юного Алексея Михайловича⁵⁸, чей природный ум и традиционная (через усвоение Букваря, Часослова, Апостола, Октоиха) образованность были обогащены удивительной начитанностью и заинтересованным общением с незаурядными личностями, а именно с приверженным к иноземным обычаям боярином Б. И. Морозовым⁵⁹, с благоразумным и учительным Благовещенским протопопом

⁵² Флоровский Г., *прот.* Пути Русского Богословия. 3-е изд. Paris, 1983. С. 50.

⁵³ Зиборов В. К. Арсений Грек // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 105–108.

⁵⁴ Белоброва О. А., Матвеева Е. Н. Арсений Сатановский (Корецкий) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 110–112.

⁵⁵ Панченко А. М. Елифанний Славинецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 309–313.

⁵⁶ Матвеева Е. Н. Дамаскин Птицкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 247–248.

⁵⁷ Макарий (Булгаков), *митр.* Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. шестая. С. 310–311, 345–347; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях // *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения*. М., 1883. Кн. 12. С. 489–495; Каптерев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // *Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии*. Кн. IV. М., 1889. С. 598–599, 621–622; Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 7–8; Экономцев И. Н. Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 50; Фонкич Б. Л. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // *Византийский временник*. М., 1991. Т. 52. С. 141–147.

⁵⁸ Зиборов В. К., Лобачев С. В. Алексей Михайлович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 70–72.

⁵⁹ Белоброва О. А. Морозов Борис (Илья) Иванович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 362–363.

Стефаном Вонифатьевым⁶⁰, с любителем просвещения и наук окольничим Ф. М. Ртищевым⁶¹, с грекофилом и энтузиастом церковных преобразований ради благочиния и ввиду идеи создания вселенской православной империи патриархом Никоном⁶², с широко образованными «западниками» А. С. Матвеевым⁶³ и А. Л. Ординым-Нащекиным⁶⁴ (который, кстати, любил говаривать, что «доброму не стыдно навязать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов!»). Духовно-интеллектуальная и деятельная устремленность царя к новому выразилась в небывало масштабной внутренней и внешней политике Московского государства времени его почти 30-летнего правления: например, в совершенствовании законодательства, в осуществлении церковных реформ, в последовательной борьбе против Польши, Швеции, Крымского ханства за выходы к Балтийскому и Черному морям и объединение с братскими украинским и белорусским народами, в освоении Сибири и Дальнего Востока, в развитии торговых отношений, промышленности, даже кораблестроения. По существу, многими своими делами Алексей Михайлович предвосхитил, конечно же, значительно более успешное реформаторское правление своего сына Петра Великого, по-настоящему поднявшего Россию «на дыбы» и прорубившего из нее «окно в Европу».

Начало русской систематической школы некоторые историки связывают с так называемым Ртищевским братством. И вот почему. В 1648 г. Федор Михайлович Ртищев основал за счет личных средств на берегу Москвы-реки у подножия Воробьевых гор, «в пленницах», Андреевский-Преображенский «училищный монастырь для распространения свободных мудростей». Вскоре здесь, по призыву царя, собрались 30 или около того ученых посланцев из некоторых малороссийских и, возможно, белорусских монастырей. Под руководством иеромонаха Епифания Славинецкого они приступили к работе над переводами «душеполезных книг» и сочинений юридического, исторического и естественнонаучного содержания; должны были также заниматься подготовкой нового издания славянской Библии посредством сверки Острожского текста 1581 г. с греческим библейским канонem. Духовно-интеллектуальная деятельность «Ртищевского братства», конечно же, привлекла внимание любопытных москвичей. Это и дало основания полагать, что в Андреевском монастыре была создана школа, в которой все желающие могли учиться «хитрости грамматической и философию книжному», искусству перевода Священного Писания и исправления богослужебных книг⁶⁵. Однако все же факт существования такой школы как специального образовательного учреждения сомнителен, ибо нет однозначных свидетельств в его пользу, неизвестны и лица, прошедшие здесь подобный образовательный курс⁶⁶. Тем не менее прибывшие в Москву из Юго-Западной Руси старцы практиковали, видимо, обучение частным образом. Например, сам «любомудрия рачитель Федор... яко в днех служение своего чина исполняя, в ноцех же, презирая сладостный сон, со мужи мудрыми и божественного писания изящными в любезном ему беседовании иногда целья ночи бодростне препровождая...»⁶⁷. Кроме Ртищева, у насельников монастыря учились (греческому,

⁶⁰ Ромодановская Е. К. Стефан Вонифатьев // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998. С. 500–503.

⁶¹ Кашкин Н. Н. Родословные разведки: Посмерт. изд. с портр. авт. / Под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1912. Кн. I. С. 402–449.

⁶² Бубнов Н. Ю. Никон (в миру Никита Минов) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 400–404.

⁶³ Белоброва О. А. Матвеев Артемон Сергеевич // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 341–343.

⁶⁴ Белоброва О. А. Ордин-Нащекин Афанасий Лаврентьевич (во иночестве Антоний) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 427–429.

⁶⁵ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. *История Русской Церкви*. Книга шестая. С. 347; Румянцева В. С. Ртищевская школа // *Вопросы истории*. 1983. № 5. С. 182–183; Челышев Е. П. «Ртищевское братство» в Андреевском монастыре // *Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сборник докладов конференции 17–21 ноября 1998 года, Москва* / Под общ. ред. прот. Бориса Даниленко. М., 1999. С. 67–70.

⁶⁶ Каптерев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 613–615; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 133–135.

⁶⁷ Житие Федора Ртищева // *Древняя российская вивлиофика*. 2-е изд. Н. И. Новикова. Ч. 18. М., 1791. С. 402.

латинскому, польскому языкам) и другие москвиты: например, боярин Б. И. Морозов и, вероятно, какие-то малые дети. При этом некоторые, как «Перфила Зеркальников да Иван Озеров», желая более глубоких познаний, отправлялись затем доучиваться в Киев⁶⁸, а некоторые, подобно дьяку и поэту Лукьяну Голосову, вынужденные подчиниться Ртищеву, учились у киевлян против собственной воли⁶⁹. Иными словами, в «братстве» существовала не школа в собственном смысле этого понятия, а, скорее, кружок ревнителей учености, в котором отдельные желающие у отдельных учителей индивидуально могли получить конкретные сведения по конкретному предмету знания.

К подобным же выводам приводит и изучение информации, которую связывают обычно со школами греческой, организованной в 1651 г. украинцем иеромонахом Елифанием Славинецким в Кремлевском Чудовом монастыре, и латинской, открытой в 1665 г. в Спасском монастыре, что за Иконным рядом, белорусским иеромонахом Симеоном Полоцким⁷⁰. Эти школы также не были общеобразовательными и общедоступными, они функционировали непродолжительное время с целью исключительно профессиональной подготовки ограниченного числа специалистов, например, для работы при Московском Печатном дворе или в государственной канцелярии — Приказе тайных дел. Хотя известны ученики первого (знатоки греческого языка иноки Евфимий⁷¹ и Дамаскин⁷²) и второго (знарок латыни и польского языка Сильвестр Медведев⁷³), обладавшие авторитетом людей просвещенных и немало потрудившиеся в этом качестве как переводчики, справщики книг, литераторы, богословы, их ученость была все же плодом в большей степени самообразования, нежели методического обучения по системе⁷⁴.

Видимо, более похоже на настоящую школу было училище Арсения Грека. О нем сообщает Адам Олеарий в своей книге о России: «В настоящее время они (москвиты. — В. К.), — что довольно удивительно, — по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки. Они уже устроили, рядом с дворцом патриарха, латинскую и греческую школу, находящуюся под наблюдением и управлением грека Арсения»⁷⁵. Достоверность этого свидетельства, однако, некоторые ученые прошлого опровергали. Ведь сам Олеарий лично видеть упомянутой школы не мог, ибо последний раз был в Москве в 1643 г., за 6 лет до появления здесь Арсения, и не случайно в первом издании его книги (1647 г.) цитированного известия нет, оно появляется только в ее третьем издании (1663 г.)⁷⁶. Кроме того, по сообщению нельзя судить о конкретном времени, к которому относится упомянутый в нем факт. Арсений Грек явился в Москву при патриархе Иосифе, в начале 1649 г., но очень скоро был осужден за совершенный в молодости грех вероотступничества и отправлен в Соловецкий монастырь «на исправление в православной христианской вере»⁷⁷. Назад в Москву он вернулся лишь около

⁶⁸ Киселева М. С. Истоки российского образования во второй половине XVII в.: Малороссийское влияние // Философский век: Альманах. Вып. 28: История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 1 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 2005. С. 82–83.

⁶⁹ Панченко А. М. Голосов Лукьян Тимофеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 214.

⁷⁰ Панченко А. М. и др. Симеон Полоцкий (в миру Самуил (Емельянович?) Петровский-Ситнианович) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 362–379.

⁷¹ Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 287–296.

⁷² Белоброва О. А. Дамаскин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 246–247.

⁷³ Панченко А. М. и др. Сильвестр (в миру Семен Агафоникович Медведев) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 354–361.

⁷⁴ Кантерев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 606–613; Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 19–22; Экономцев И. Н. Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 51.

⁷⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 261.

⁷⁶ Белокуров С. А. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. / Реферат, чит. в заседании VII Археол. Съезда 7 авг. 1887 г. М., 1888; Кантерев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 598–603.

⁷⁷ Кантерев Н. Ф. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Июль. С. 70–96.

1653 г. по вызову уже другого патриарха — Никона — прежде всего, для работы в качестве справщика и переводчика. Вот тогда, очевидно, он и открыл свое «училище детям». Согласно записям в Расходных книгах Патриаршего Казенного приказа 1653 и 1657 г. о разных закупках для нее, в том числе и «тридцати» грамматик, эта школа была общественной и просуществовала не менее четырех лет⁷⁸. К сожалению, неизвестны ни ее программа, ни количество вышедших из ее стен учеников, ни даже имена некоторых из них.

Ко времени патриарха Никона относится появление еще одной общественной школы, причем, в отличие от училища Арсения Грека, провинциальной. Она возникла на Валдае, в основанном Никоном Иверском Богородицком Святоозерском монастыре. Ее организацию, вероятно, следует связывать с переездом сюда в 1655 г. из Белоруссии, по приглашению святейшего, насельников Кутейнской Богоявленской обители. Еще на родине, как известно, эти ученые монахи, противостоя натиску униатов, занимались книгопечатанием и школьным делом. На новом месте они также устроили типографию — вторую в Московском государстве после Государева печатного двора в Москве⁷⁹ — и школу. Сохранилась даже запись в Расходной книге Патриаршего казенного приказа о покупке шапок для иверских «школьных ребят» — Андриюшки, Яшки, Митьки и Гришки⁸⁰. Возможно, эта школа просуществовала до 1666 г., когда Иверский монастырь вследствие суда над патриархом Никоном был временно закрыт. Но опять-таки никакими конкретными данными о ее деятельности и результатах таковой наука не располагает.

Аналогичная завеса неизвестности скрывает, несмотря на сравнительное богатство имеющихся фактов, и историю последней школы эпохи царствования Алексея Михайловича. Речь идет о «гимнасионе», открытие которого одобрили, как теперь доказано, в конце 1667 г.⁸¹, отзываясь на челобитье прихожан церкви св. Иоанна Богослова в Москве, патриархи Александрийский Паисий, Антиохийский Макарий и затем Московский Иоасаф II (1667—1672 г.). Доказано также, что означенная церковь находилась не в Китай-городе⁸², а в Бронной слободе⁸³. Открыть приходскую школу просили жители слободы, в основном оружейники, люди весьма состоятельные (в 1665 г. их тщанием было закончено возведение каменного храмового здания). Слободжан, а среди них было немало переселенцев из Белоруссии, в этом начинании активно поддерживал упоминавшийся уже иеромонах Симеон Полоцкий — возможный составитель всех связанных с этим делом сохранившихся благословенных грамот и челобитных (ГИМ. Синод. собр. № 130)⁸⁴. Любопытно также, что Симеон, будучи участником судебного процесса над патриархом Никоном, хорошо лично знал прибывших ради этого в Москву (1666 г.) упомянутых восточных первоиерархов, был вхож во дворец самого царя как воспитатель его детей (прежде всего, Федора) и участник ряда его культурных инициатив, наконец, пользовался покровительством ближнего царского боярина Б. М. Хитрово, ведавшего Бронной слободой в качестве главы Оружейной палаты. Известные документы не позволяют определенно судить о программе Иоанно-Богословской школы. Нет ясности, чему конкретно здесь предполагалось обучать: грамматике «славенского языка», «греческого и славенского», «славенского и латинского» или же всех трех «диалектов». Зато очевидно, что в самом храме не возбранялись греческие и киевские обиходные обычаи, в частности

⁷⁸ Лукичев М. П. К истории школьного образования в России в XVII веке // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. С. 85—86.

⁷⁹ История создания Иверской обители на Валдае. URL: http://iveron.ru/main.php?id=history_iver.

⁸⁰ Лукичев М. П. К истории школьного образования в России в XVII веке. С. 86.

⁸¹ Фонкич Б. А. К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х годов XVII в. // Очерки феодальной России / Сб. статей. Вып. 2. М., 1998. С. 205—206.

⁸² Горский А. О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Творения святых отцов в русском переводе с прибавлениями. Кн. 3. М., 1845. С. 168—171.

⁸³ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 387.

⁸⁴ Их публикация: Фонкич Б. А. К истории организации славяно-греко-латинского училища в московской Бронной слободе в конце 60-х годов XVII в. С. 216—225.

и относительно многоголосного — партесного — пения, и что прихожанам — видимо, соответственно их желаниям — рекомендовалось найти для служения в их храме образованного иерея, который был бы способен «богословствовать» и «духовною пищею алчущия души насыщати». И действительно, с 1669 г. здесь стал настоятельством бывший протопоп из малороссийского города Глухова Иван Шматковский⁸⁵, к которому за ученость и красноречие лично благоволил Иоасаф II. Сохранились также сведения, что для задуманного училища на средства прихожан было построено специальное здание. Но о практической жизни этой школы говорить не приходится. Есть только основания полагать, что в ней готовили, в частности, певчих. Во всяком случае, одним из таких «спеваков» был уроженец г. Нежина Иван Федорович Волошенинов, прибывший в Москву в 1664 г. еще молодым человеком, а в 1673 г. именно из числа Иоанно-Богословских клирошан взятый на учительство в какую-то новую школу для «мещанских детей»⁸⁶.

Итак, попытки организации правильного школьного образования, предпринятые в Московском государстве при царе Алексее Михайловиче, как можно заметить, обнаруживают разные культурные мотивации и разнонаправленность целеустановок. Это разделение проистекало в то время, видимо, из расхождения церковных и государственных задач в деле обустройства России. Церковь осуществляла реформы, касающиеся благочиния и единого уставного порядка в богослужении с учетом вселенской практики, проводя с этой целью широкомасштабную издательскую работу на почве, прежде всего, книжной справы и новых переводов конфессиональной литературы, и потому остро нуждалась в образованных грамотниках. Государство развивало собственную управленческую структуру, внешнеполитические контакты, торговую и промышленную сферу деятельности, впитывало какие-то элементы привносимых из Европы научных, инженерных, медицинских, юридических, социологических знаний и достижений, и потому ему столь же необходимы были просвещенные, но уже по-светски просвещенные специалисты. Церковь ориентирована была на Восток. Государство тяготело к Западу. Для удовлетворения церковных потребностей нужны были, в первую очередь, знатоки греческого языка как общепринятого проводника православной культуры. Для удовлетворения государственных запросов требовались знатоки латыни как общепринятого языка международного общения и науки. Церковь по природе своей, в силу обращенности к святым истокам, консервативна, сущностно она призвана быть неизменной, хотя внешне вполне может меняться. Государство же как общественный институт склонно к динамике прогресса, традиция для него лишь площадка для неизбежного формально-содержательного развития. Эти две экзистенциальные тенденции столкнулись у нас на почве, в частности, школьного дела, нейтрализуя друг друга и долго тем самым мешая отказу от вековечно существовавшего порядка: сначала постигать элементарную грамоту по учительным Часослову и Псалтыри⁸⁷ с помощью частного учителя, далее путем чтения развиваться самостоятельно. В действительности, нет никаких оснований полагать, что при всех указанных выше школьных инициативах реализуемый порядок обучения был, в принципе, радикально иным. Разве что в отдельных случаях имела место какая-то форма общедоступности и коллективности, использовались пособия нового типа — буквари⁸⁸, азбуковники, реже грамматики, и обычная сумма знаний дополнялась усвоением греческого, латинского или других языков, той или иной профессиональной специализацией. Семь свободных искусств, или наук, по-прежнему оставались вне программы обучения. И все также участие власти — духовной или светской — в образовательном процессе было минимальным.

⁸⁵ Буланин Д. М. Шматковский Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 290–293.

⁸⁶ Лаврентьев А. В. К истории создания училища в московской Бронной слободе в XVII веке // История СССР. 1991. № 3. С. 194–196.

⁸⁷ Переиздавались во второй половине XVII в. неоднократно, их общий тираж достиг 150 тысяч экземпляров.

⁸⁸ При нескольких переизданиях во второй половине XVII в. их общее число составило 300 тысяч экземпляров.

Становление новой русской школы осложнялось еще и конфликтом культурных привязанностей и ориентиров, свойственных как русскому обществу в целом, так и отдельным его представителям — автохтонам или же иммигрантам, радевшим о внедрении просвещения в жизнь Московского государства. Поскольку причины и обстоятельства этого многогранного конфликта хорошо описаны⁸⁹, нет нужды повторяться. Достаточно лишь кратко отметить главные точки болезненного пересечения интересов: это устойчивые привычки к сложившемуся церковному укладу и усилия устранить накопившиеся в нем недостатки (многогласие, хомовое пение, практика наймитства в богослужении); это разное понимание того, как надо осуществлять необходимые изменения в богослужебных книгах и обрядах (держась за собственную старину или же сверяясь с традициями православного Востока); это несогласие Церкви и Государства в решении вопроса о приоритете светской или же духовной власти; это столкновение мистицизма и реализма в трактовке учения о третьем Риме и конкретно о роли России, уготованной ей Промыслом Божиим относительно спасения мира; это несходство богословских воззрений — греко-святоотеческого или латино-схоластического толка — по некоторым обрядовым и вероучительным вопросам (о таинстве Евхаристии, о Символе веры, о жизни души по смерти плоти); это симпатии и антипатии к распространявшейся европейской — польской или немецкой — моде, касающейся одежды, манеры поведения, эстетических и литературных вкусов (проявившихся, например, в новых формах творчества — стихотворстве, авантюрной и сатирической прозе, драматургии, живописи, архитектуре).

Отмеченные выше разноречивые свидетельства о языковой направленности обучения в стенах Иоанно-Богословской школы прямо соотносятся с обсуждавшейся в московском обществе проблемой языка как приоритетной основы образования. Во всяком случае, известны два, к сожалению, анонимных трактата, специально посвященных теме соотносительных достоинств греческого и латинского языков ввиду их полезности для получения истинного знания о православной вере, а также о церковнославянской грамоте: «Довод вкратце, яко учения и язык еллиногреческий наипаче нужен потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славенскому народу»⁹⁰ и «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и теологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати? И [о том,] что лучше российским людям учитися греческаго языка, а не латинскаго»⁹¹. Оба сочинения возникли, несомненно, в стане грекофилов и как реакция на европеизацию русской жизни и распространение в русском обществе некоторых прокатолических идей. Оба сочинения на историко-филологической основе доказывают, что фундаментом истинной образованности должны служить греческий и «славянский» языки, восточнохристианское духовное наследие как конгениальные рефлексы Священного Писания и Предания. Оба сочинения при этом категорически умаляют гносеологическую силу латыни и просветительные возможности латинской схоластики, хотя и признают их вспомогательное значение для пополнения образованности.

Всю сложную по единству и борьбе противоположностей палитру умовоззрений и устремлений, характерную для бытия москвитов подразумеваемого периода, ярко демонстрирует история

⁸⁹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. С. 30–81; Адрианова-Перетц В. П., Воронин Н. Н., Еремин И. П. Введение: Литература кануна реформы (1640-е – 1690-е годы) // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2. С. 129–181; Зеньковский С. [А.] Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. III. С. 10–261; Большаков В. П., Володина Т. В., Выжлецова Н. Е. Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород, 2002. С. 103–127; Сазонова Л. И. Русская культура конца XVII в перед выбором пути // Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. / РАН. Ин-т человека. Под ред. М. С. Киселевой. М., 2003. С. 184–200; Миндич Д. А. Культура Москвы XVII века // Интернет-проект «История Москвы». URL: <http://www.clio.org.ru/hm14.htm>.

⁹⁰ Публикация: Кантрев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 672–679.

⁹¹ Публикация: Сменцовский М. Братья Лихуды. Приложения. С. VI–XXVI.

конкретных лиц, поступков, судеб. Так, изначально союзные во мнениях о состоянии Церкви члены кружка ревнителей благочестия затем резко расходятся: между противниками патриархом Никоном и Иваном-Григорием Нероновым балансируют «центристы» Стефан Вонифатьев и Ф. М. Ртищев. Начатая патриархом Никоном церковная реформа (1653 г.) заканчивается судом и над ним самим, и над его оппонентами, защитниками старого обряда (1666–1667 г.). Благочестивейший и тишайший царь Алексей Михайлович последовательно, тем не менее, ущемляет права Церкви, расширяя и укрепляя институт светской власти, вводит у себя во дворце польские новины и неукоснительно исполняет молитвенные правила, дистанцируется от своего «собинного друга» Никона и довольно долго терпит нападки его главного противника протопопа Аввакума. На протяжении 70–80-х годов XVII в. поочередно торжествуют и низвергаются в боярско-династической распри близкие к Алексею Михайловичу придворные кланы (вокруг Милославских и вокруг Нарышкиных). Мирное сосуществование на поприще духовно-интеллектуальной деятельности грекофила Епифания Славинецкого и латиниста Симеона Полоцкого оборачивается непримиримой борьбой их учеников — келаря Чудова монастыря Евфимия и иеромонаха Сильвестра Медведева. Знаток польского и латыни государь Федор Алексеевич⁹², вопреки русским обычаям надевший европейский костюм, сбросивший бороду и отпустивший волосы, стремившийся по-европейски реорганизовать армию и структуру государственного управления, при этом оставался искренним приверженцем молитвенных бдений, милостивцем для бедных, благотворителем для Церкви. Слуга царей и защитник православия патриарх Иоаким⁹³ вместе с тем является противником беспредельного чиновничьего вмешательства в церковную жизнь, гонителем всех, кто не признал церковных реформ, притеснителем сосланного на Белое озеро реформатора Никона, непримиримым врагом латинствующих и при этом, будучи сам человеком традиционно образованным, упраздняет старинный обряд шествия на осяти в Вербное воскресенье и весьма заинтересованно способствует организации в Москве действительно настоящего, нетрадиционного для Руси образовательного учреждения.

В таком поразительно сложном переплетении разнонаправленных культурных тенденций, партийных амбиций и расчетов, личных убеждений и действий, наконец, и возникает первая на Руси настоящая, правильная школа⁹⁴.

Еще в январе 1666 г. в Константинополь было отправлено в связи с «делом» патриарха Никона московское посольство⁹⁵. В его составе оказался инок Чудова монастыря Тимофей, видимо, знавший в каком-то объеме греческий язык. По завершении посольской миссии Тимофей остался на целых 14 лет в Греции, за что, видимо, потом и получил прозвище Грек. В течение этого периода он по преимуществу (за вычетом времени посещения им Афона и Палестины) жил в Константинополе, совершенствуясь в греческом и обретая другие знания, а также оказывая какие-то услуги русским государевым и торговым людям. Знакомство Тимофея с такими известными дидаскалами того времени, как Александр Маврокордато и Севаст Киминитис, позволяет видеть в них его наставников по учебе, возможно, в фронтистиирии Манолакиса Касторианоса. Постепенно Тимофей сближается со знаменитым радетелем о православном просвещении и критиком католицизма Иерусалимским патриархом Досифеем (1669–1707 г.), около пяти лет живет в качестве переводчика прямо в его резиденции — на Святогробском подворье, а последние три года по его рекомендации служит «толмачом» турецкому султану. Однако в октябре 1680 г. он, можно думать, получает от царя Феодора Алексеевича дозволение вернуться на родину и действительно к январю 1681 г. (но

⁹² Корсакова В. Федор Алексеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / А. А. Половцов. М., 1896–1918. Т. Яблоновский — Фомин. С. 249–264.

⁹³ Смирнов П., свящ. Иоаким патриарх Московский. М., 1881.

⁹⁴ См., например: *Рогов А. И.* Школа и просвещение // *Очерки русской культуры XVII века*. Ч. II. М., 1979. С. 142–154; *Володихин Д. М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 9–79; *Богданов А. П.* К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.* М., 1986. С. 177–209.

⁹⁵ *Кантперв Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 319–320.

не 1679 г., как полагали некоторые историки) оказывается уже в Севске пред очи князя и воеводы В. В. Голицына, а затем — в Москве на приеме у самого государя с известием об оскудении в Греции под давлением «тиранских руки» «свободных греческих наук, к восточной благочестивой вере потребных». Под впечатлением от услышанного, а также, возможно, приняв во внимание представленные грамоты патриарха Досифея, Феодор Алексеевич велит патриарху Иоакиму учинить в Москве «греческое училище» и назначить главою такового, несомненно, сумевшего блеснуть своей ученостью иеромонаха Тимофея⁹⁶.

На сей раз дело пошло именно по тому направлению, которое так долго влекло и самих московитов, и разных их заезжих советников. Тимофей был назначен в клир крестовой церкви (во имя св. апостола Филиппа) при патриаршем доме в Кремле, где и поселился, и одновременно ректором задуманной школы. Под последнюю выделили «старую правильную палату» Типографии и на средства Патриаршего Казенного приказа закупили для нее мебель, оборудование, бумагу, книги. К апрелю 1681 г. все было готово. Первоначально для обучения набрали патриарших и архиерейских подьячих, около 30 человек. Но так как открытое училище являлось общественным и всесословным учреждением, число учащихся в нем (включая и «безродных», которым регулярно выделялись кормовые деньги) быстро росло⁹⁷. Можно думать, что в 1686 г. оно достигло своего максимума — не менее 250 человек, при этом многие из них известны по именам⁹⁸.

Учащиеся первого набора осваивали именно греческий язык. Однако очень скоро задачи школы усложнились, и с 1682 г. в ней было открыто еще славянское отделение для тех, кто только начинал приобщаться к грамоте. До конца 1683 г. в каждом из двух отделений различались по степени подготовки три класса, или «статьи», затем — вероятно, на основании эффективности процесса обучения — в них было оставлено лишь по два класса. Можно полагать, далее из числа учащихся выделилась также группа наиболее преуспевших, но о том, как в формальном и содержательном отношении она была организована, судить пока нет возможности. Известно лишь, что некоторые из составивших эту группу слушателей выполняли в школе обязанности старост или «надсматривальщиков» в младших классах⁹⁹. Кроме того, понятно, что многие школьники, закончив славянское отделение, этим удовлетворились и греческого не изучали.

Будучи ректором и учителем, иеромонах Тимофей весьма заботился об эффективной работе вверенной ему школы, в первую очередь рачительно пополняя школьную библиотеку необходимыми учебными пособиями и руководствами, о чем, прежде всего, свидетельствуют записи Расходных книг Патриаршего Казенного приказа. Но библиотека формировалась не только за счет покупок. Какая-то ее часть являлась личной собственностью ректора, какая-то принадлежала Приказу книг Печатного дела, некоторые книги попали в училище от патриарха, иные вполне могли быть дарованы царем и другими именитыми людьми. Известно, что, например, к 1685 г. в библиотеке училища было уже 487 рукописных и печатных книг на церковнославянском, греческом, латинском, «белорусском» языках. Среди них можно выделить книги, традиционно употреблявшиеся в процессе обучения: Азбуки, Часословы, Псалтири, Апостолы, Евангелия, богослужебные сборники, например Октоихи, Канонники, Триоди, толковые Литургии. Вместе с тем в собрании имелись книги, содержание каковых явным образом было связано с общегуманитарными целями обучения: Грамматики разных авторов, «Цифири», Словари («Лексиконы»), памятники древнегреческой философии (Аристотель, Платон, Пифагор и др.), литературы (Гомер, Аристофан, Эсхил, Софокл,

⁹⁶ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. (Типографская школа) // Очерки феодальной России / Сб. статей. Вып. 3. М., 1999. С. 152–168.

⁹⁷ Экономцев И. Н. Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 53.

⁹⁸ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 168–171, 203, 217–221.

⁹⁹ Волков Л. В. Типографская школа — первое крупное учебное заведение в России // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. С. 92; Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 209–210.

Пиндар, Демосфен, Эзоп и др.), медицинской науки (Гален, Гиппократ), астрономии (Клавдий Птолемей), историографии (Геродот, Диодор Сицилийский), средневековые мироописательные и естественнонаучные сочинения (Хронографы, Космографы, Лечебники). Кроме того, значительный раздел библиотеки составили источники христианского знания: Библии и отдельные библейские книги с толкованиями, вероучительные, нравоучительные, канонические сочинения отцов Церкви (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин), сборники изречений и житий святых¹⁰⁰.

Отмеченная многогранность указанного книжного собрания, во-первых, определяет диапазон информации, предназначавшейся для школьников: при ориентации на духовную традицию значительную роль в их обучении играла светская компонента; во-вторых, указывает, очевидно, на поэтапную форму освоения заданной суммы знаний: сначала изучали славянский и греческий (может быть, отчасти и латинский) языки на уровне чтения, письма и грамматики, а также церковный обиход, затем уже постигали Предание и Учение Церкви, вместе с тем знакомясь с довольно широким кругом внецерковных предметов; в-третьих, позволяет отказаться от прежнего представления, будто работа Типографской школы ограничивалась лишь объемом начального обучения¹⁰¹: как теперь доказано, она строилась по системе именно среднего образования, типичной для Греции XVI–XVII в. Больше того, судя по тому, что иеромонах Тимофей зазывал в Москву ради профессорства своего знаменитого учителя Севаста Киминитиса (сохранилось ответное послание последнего с отказом, написанное летом или осенью 1681 г.), училище на Патриаршем Печатном дворе изначально задумывалась все же как высшее учебное заведение¹⁰².

К детищу Тимофея Грека проявлялся живой интерес со стороны царя Феодора Алексеевича и патриарха Иоакима. Имеются сведения о царских и патриарших посещениях школы, их милостях и жалованиях учащимся и учащим. Согласно благочестивой традиции и школьники во главе со своим начальником обычно на Рождество и в Пасхальные дни посещали святейшего. Эти встречи имели характер своеобразного отчета о проделанной работе: ученики Тимофея демонстрировали свои познания, произносили на греческом и по-славянски поздравительные и похвальные речи — орации, а патриарх Иоаким в свою очередь жаловал ректору и «иже с ним» разные суммы денег¹⁰³.

Надо сказать, предполагаемая Тимофеем программа обучения вряд ли могла быть реализована только его собственными усилиями. Поэтому уже с 1 мая 1681 г. в училище наряду с Тимофеем начинает преподавать, согласно многочисленным документальным подтверждениям, «московский житель гречанин Мануил Григорьев» Миндилинский¹⁰⁴. Правда, в силу своего плохого владения русским языком он преподавал только «греческие науки», т. е. греческую грамматику, чтение и письмо. В стенах школы, исключая период с мая 1683 по декабрь 1684 г., Мануил Миндилинский остается вплоть до ее закрытия¹⁰⁵. О том, почему он прекратил свое служение, а затем вновь к нему вернулся, сведений, к сожалению, нет. Но место Мануила в октябре 1683 г. занял другой грек — некто иеромонах Иоаким, который, однако, помогал Тимофею лишь до сентября 1685 г., будучи тогда уволен под расчет в связи с сокращением объема преподавания греческого языка. Через шесть месяцев он покинул и Москву, отбыв на Афон¹⁰⁶.

По всей видимости, лето 1685 г. вообще стало критическим для Типографского училища, ибо тогда, а именно 1 июля, в Москве, при Богоявленском монастыре (в Китай-городе, за «Ветошным

¹⁰⁰ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 172–177, 224–227.

¹⁰¹ Каптерев Н. Ф. О Греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. С. 653–654.

¹⁰² Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 157–161, 229–232.

¹⁰³ Там же. С. 180–185.

¹⁰⁴ Прежде его ошибочно отождествляли с другим московским греком — Мануилом Ивановичем Левендатовым (см.: Горский А. В. О духовных училищах в Москве в XVII столетии. С. 174–175; Экономцев И. Н. Предыстория создания Московской Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов. С. 53).

¹⁰⁵ Волков А. В. Типографская школа — первое крупное учебное заведение в России. С. 92; Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 194–199.

¹⁰⁶ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 199–201.

рядом»), появилась новая греко-латинская школа. Ее открыли прибывшие сюда незадолго до этого — опять-таки по рекомендации Иерусалимского патриарха Досифея — образованнейшие греки и родные братья, иеромонахи Иоанний (1633—1717 г.) и Софроний (1652—1730 г.) Лихуды, спустя некоторое время аттестованные москвичами как «учители высоких наук»¹⁰⁷. Под их руководство и перешли тогда (летом и осенью) одиннадцать наиболее подготовленных учеников иеромонаха Тимофея¹⁰⁸. Вероятно, после этого вплоть до самого закрытия Типографской школы в конце 1687 г. его питомцы не раз еще пополняли ряды Лихудовых подопечных. Во всяком случае, из 40 поименно отмеченных в Расходных книгах человек 18 (т. е. 45 %) продолжили свое обучение в Богоявленской школе и, видимо, затем в Славяно-греко-латинской академии.

Таким образом, училище Тимофея Грека не просто первое в России государственное образовательное учреждение. Мало также сказать, что за годы своего существования оно выпустило значительное число довольно грамотных людей. Прежде всего, оно создало плодотворную почву для дальнейшего развития русского образования, подготовив отдельные русские умы к одолению высшего курса познания в университетском объеме.

Между прочим, имена некоторых из выпестованных братьями Лихудами учеников Тимофея вовсе не пустой звук для русской культуры. Например, Николай Головин (умер в 1716 г.) был впоследствии преподавателем Славяно-греко-латинской академии и справщиком Московского Печатного двора, известен как поэт, переводчик с греческого, составитель проповедей, библиофил¹⁰⁹; Федор Полетаев (умер после 1715 г.) был преподавателем Новгородской школы митрополита Иова и автором ряда переводов с греческого¹¹⁰; Федот Агеев (умер в конце XVII в.) исполнял в Московской типографии обязанности книгописца и переводчика с греческого, переводил, кроме того, с итальянского языка¹¹¹. Наибольших же успехов достиг бывший «безродный» ученик Типографской школы Федор Поликарпов (ок. 1670—1731 г.). Он преподавал в Славяно-греко-латинской академии, служил справщиком и многолетним начальником Московской типографии, был редактором московского варианта первой российской газеты «Ведомости»; работал как переводчик с греческого и латыни над довольно большим числом светских и духовных сочинений; составлял похвальные вирши, упражнялся в богослужбной гимнографии; переписывался по разным вопросам с лучшими людьми своего времени — со знаменитым поборником просвещения, проповедником, духовным писателем и подвижником святителем Димитрием, митрополитом Ростовским († 1709 г.), с энтузиастом школьной системы образования народа, Новгородским митрополитом Иовом (умер в 1716 г.), с соратником царя Петра I, начальником Монастырского приказа, сенатором, графом И. А. Мусиным-Пушкиным (умер после 1728 г.). Но особое значение имеют филологические и литературно-повествовательные труды Федора Поликарпова: «Алфавитарь, рекше букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учиться хотящим...» (1701 г.), «Лексикон трезычный, сиречь речений славянских, еллино-греческих и латинских сокровище» (1705 г.), перевод «Риторики» Стефана Яворского (1705 г.), Добавление к переизданной им «Грамматике» Мелетия Смотрицкого

¹⁰⁷ Рамазанова Д. Н. Богоявленская школа — первый этап Славяно-греко-латинской академии // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 211—237.

¹⁰⁸ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII в. С. 204—205.

¹⁰⁹ Белоброва О. А. Головин Николай Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 212; Вознесенская И. А. Николай Семенов Головин — духовный писатель конца XVII — начала XVIII века (проповедь как исторический источник) // Историография и источниковедение Отечественной истории. Сб. научных ст. и сообщений. СПб., 2001. С. 36—41; Рамазанова Д. Н. Книги из собрания справщика книгопечатного двора Николая Семенова Головина (к истории частных библиотек конца XVII — начала XVIII вв.) // Румянцевские чтения: материалы междунар. конф. (11—13 апреля 2006 г.). М., 2006. С. 230—235.

¹¹⁰ Буланина Т. В. Полетаев Федор Герасимов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 257—258.

¹¹¹ Белоброва О. А., Буланин Д. М. Федот (Федор) Агеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 80—82.

(1721 г.), наконец, «Историческое известие о Московской академии» (1726 г.)¹¹² — интереснейший источник мемуарных сведений о начале систематической школы в Москве благодаря деятельности иеромонаха Тимофея Грека и затем братьев Лихудов¹¹³.

К сожалению, о судьбах большинства учеников иеромонаха Тимофея Грека совсем ничего не известно. Однако вряд ли нужно сомневаться, что осенившая их благодать просвещения иссякла бесследно. Так или иначе они своими познаниями служили государству и церкви и влияли на свое ближайшее окружение. Посеянное Тимофеем и его предшественниками уже не могло пропасть. Наступавшие новое время и новая жизнь, прорвавшиеся сквозь косность вековых обычаев новые люди объективно благоспособствовали развитию русского образования вопреки очень часто весьма неблагоприятным и даже враждебным конкретным обстоятельствам. Но это уже иная глава истории отечественной школы с совсем другой драматургией действия.

¹¹² Буланин Д. М., Зиборов В. К. Федор Поликарпов Орлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 105–130.

¹¹³ Историческое известие о Московской академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. Ч. 16. М., 1791. С. 295–306.